

Едва улегся первый зимний снегопад, как выдался на редкость погожий день. На краю небосвода примостилось несмелое солнце, и его мягкое тепло, казалось, проникало под самую кожу, вытравливая застоявшуюся в костях сырую стужу.

В деревне Цинхэ несколько кумушек, обрадовавшись неожиданному теплу, устроились у околицы. Пригревшись на солнышке, они лениво возились с нехитрым рукоделием и перемывали косточки соседям.

— Слыхали, девки? — круглолицая баба поскребла кончиком иглы засаленный рукав выдавшей виды душегрейки. В ее прищуренных глазах так и сквозило злорадное любопытство. — Тот маленький дурачок из дома господина Ся, похоже, всё. Не жилец.

— Потихе ты! — зашипела на нее соседка, испуганно шлепнув товарку по плечу. — Ся своего недоумка... то есть, маленького молодого господина, как зеницу ока берегут. Прослышат твои речи — несдобровать тебе, шкуру спустят!

— А что я такого сказала? Будто неправда! — огрызнулась кумушка, однако голос все же понизила и воровато огляделась по сторонам, опасаясь, как бы кто из челяди Ся не вынырнул из-за угла. — Дурак дураком и есть. Посреди зимы в реку ухнуть и даже не пикнуть! Не случись рядом старого даоса из лесной глуши, сейчас бы Ся не лекарей звали, а гробик заказывали.

— Да брось ты озираться, не до нас им сейчас, — вмешалась третья, явно знающая больше остальных. — Их драгоценный сыночек уже сутки как в беспамятстве горит. Вчера еще пурга мела, а вторая дочь на воловьей повозке в уездный город потащилась. Из самой аптеки «Баоань» лекаря привезли! Серебра выложили немерено, а толку чуть. Вся семья теперь у постели дежурит, вздохнуть боится.

— Из «Баоань»? Господи помилуй, это ж сколько им один приезд обошелся! — так и ахнула затаившая дыхание слушательница.

Деревенскому люду такое и не снилось. Прикипит какая хворь — обходятся домашними отварами да припарками. В крайнем случае отсыплют пару медяков местному знахарю за пучок сушеной травы. Простые крестьяне и порог городской аптеки переступить робеют, а тут — лекарь на дом!

— Будто они впервые на этого блаженного швыряются деньгами, — проворчала завистливая толстуха, уязвленная чужим достатком так, словно Ся тратили ее собственное добро. — Столько серебра на ветер! Купили бы лучше земли шмат. Всё без толку: если уж Князь Яньло вычеркнул имя из книги жизни, никаким золотом не откупишься. Да и то сказать — после такой горячки, даже если выкарабкается, совсем без ума останется.

— Спятила ты, кума! Он же и так дурачок от рождения, куда ж еще сильнее-то глупеть? Не поумнеет же он от жара! — прыснула круглолицая бабенка, но тут же вздохнула, посерьезнев: — А вообще, жалко малого. Я давно чуяла, что не задержится он на этом свете. Разве бывают

обычные дети такой красоты? Чистый ангелочек, небесный отрок. И господин Ся над ним так трясется... Кабы не эта глухота душевная, может, и вовсе бы его до этих лет не уберегли.

Женщины примолкли, мысленно соглашаясь с ней. Даже язвительная толстуха не нашлась что возразить — перед глазами у всех встал образ маленького молодого господина Ся.

— И то правда, чудо как хорош, — протянула одна. — Я как-то на ярмарке в уезде видела дочку самого судьи — так куда ей до нашего маленького молодого господина Ся! Тот прямо светится весь.

— Вот и дивно: умом обделен, а кроткий, послушный, ликом ясный. Видно, ошиблась душа телом, и Небеса решили забрать свое дитя обратно.

— Похоже на то...

Пока бабы судачили у плетня, виновник их пересудов вовсе не собирался предстать перед судом предков. Напротив, в его сознании бушевал такой восторг, что он охотно пробежал бы пару верст босиком по снегу.

Разумеется, сделать этого он не мог. Разум его прояснился, однако изнуренное лихорадкой тело безвольно покоилось на постели. У изголовья, содрогаясь от беззвучных рыданий, сидела женщина с опухшими, красными от слез глазами — его нынешняя мать, Юнь-нянь.

Да, в этом земном воплощении маленький молодой господин Ся был переселенцем душ.

В наше время подобным чудом никого не удивишь. Пусть явление и не стало будничным, но в теории вероятностей пробило солидную брешь. Каждый заядлый мечтатель втайне надеется: а вдруг завтра наступит и его черед сменить мерность бытия?

В прошлой жизни его тоже звали Ся Чэнем. Иероглиф «Чэнь» означает «драгоценный камень» или «сокровище». Судя по имени, в момент его появления на свет родители еще питали друг к другу нежные чувства, иначе не назвали бы дитя столь ласково.

Увы, сколько Ся Чэнь себя помнил, родители только и делали, что со скандалом делили имущество. Лишь к его поступлению в среднюю школу эта утомленная взаимной ненавистью чета сумела распутать финансовые узлы и наконец-то развестись. Заодно они вышвырнули из своей новой жизни и самого Ся Чэня.

К тому времени его единокровный брат и единоутробная сестра уже ходили в начальную школу. Крохи родительского тепла без остатка достались этим избалованным малышам. Единственным, на что не поскупились бывшие супруги для Ся Чэня, было бездонное содержание.

Что ж, грех жаловаться. Деньги облегчают любое сиротство при живых родителях.

Годы бесконечных родительских распрей выжгли в душе мальчика все положенные подростку эмоции: обиду, страх, злость и горечь одиночества. Ся Чэнь равнодушно принимал переводы на банковский счет и не роптал, даже когда отец — его официальный опекун — не удосуживался навестить его месяцами.

В младенчестве, на волне угасающей любви, родители основали для первенца трастовый фонд. Во время бракоразводного процесса бывшие супруги из гордости не стали делить эти крохи. К восемнадцати годам, унаследовав еще и долю в трудноразделимой недвижимости, Ся Чэнь превратился в весьма обеспеченного молодого человека.

Честно говоря, новоиспеченный богач ни в какие иные миры не стремился. Привлекательная внешность, солидный капитал — живи да радуйся! Однако Божество переселения душ законов вежливости не знало и мнения клиентов не спрашивало. Ся Чэня просто выдернули из его зоны комфорта.

Ну да ладно. Молодой господин Ся обладал завидным хладнокровием — а что еще оставалось? Пути назад нет, да и оплакивать его на Земле некому. Единственное, на что он уповал — это на законный чит-код. Какой же попаданец без верного супернавыка?

Еще барахтаясь в утробе матери, Ся Чэнь вовсю размышлял, каким именно даром его наградят Небеса.

Поскольку переродился он младенцем, первое время его сознание пребывало в блаженном забытии. Зажатый в тесном, темном пространстве, лишенный возможности шевельнуться, Ся Чэнь поначалу решил, что его похитили черные трансплантологи и заперли в трюме корабля. Позже, когда сквозь глухую преграду начали пробиваться голоса, до него наконец дошло: это перерождение. Причем занесло его в эпоху какого-то неведомого древнего царства.

Древний мир так древний мир, Ся Чэнь не унывал. Перед смертью он как раз зачитывался веб-новеллами о чиновниках и императорских экзаменах. Там главные герои щелкали испытания как орехи, брали первые места на всех уровнях экзаменов, а под конец шествовали по улицам столицы в шитых золотом шелках победителей и женились на знатных красавицах. Настоящая сказка!

Правда, попытки расшевелить память в материнском чреве успехом не увенчались — ничего путного из школьной программы вспомнить не удалось. Ся Чэнь списывал это на недоразвитость детского мозга. Мол, вот рожусь, и положенный чит-код тут же активируется.

Считая дни до заветного часа и от скуки едва не завязывая пуповину узлами, он наконец-то дождался родов.

Но в то самое мгновение, когда его тельце явилось на свет, Ся Чэнь даже не успел открыть

глаза и оглядеться. Вместо долгожданного божественного интерфейса произошло непредвиденное: его собственную душу... просто вышвырнуло наружу.

Если точнее, душа отделилась от плоти. Мечты о лаврах юного гения рассыпались в прах: тело Ся Чэня осталось бездыханным сосудом, превратившись в обыкновенного дурачка.

Ся Чэнь: «...»

Если бы мысленные проклятия обретали плоть, Божество переселения душ уже давно превратилось бы в дуршлаг.

Ся Чэнь бесился, выл от бессилия и проклинал судьбу, но в конце концов смирился. Он стал призраком — бесплотным духом, лишенным даже возможности выплакаться. Его собственная плоть находилась прямо перед ним, но он не мог ею управлять. И пока лишенное искры разума тело пускало слюни, его новые родители и старшие братья с сестрами души не чаяли в «маленьком дурачке». Они оберегали его, баловали и молили лишь о том, чтобы их младший сын рос в покое и здравии.

Постепенно обида утихла. Ся Чэнь видел искреннюю любовь своей новой семьи. Он не мог отдалиться от тела дальше чем на несколько шагов, а потому изо дня в день незримо присутствовал рядом со своими близкими. Пусть он не мог им ответить, но это был дом, о котором он всегда мечтал.

Семь лет он прожил бесплотной тенью и уже почти свыкся со своей участью, как вдруг судьба сделала крутой вираж.

Едва улеглись первые зимние метели, как соскучившиеся по воле деревенские мальчишки гурьбой повалили на улицу. Маленького дурачка Ся Чэня тоже ненадолго выпустили подышать свежим воздухом. Местные сорванцы, решив позабавиться, заманили беззащитного дурачка к реке и заставили ступить на тонкий, неокрепший лед.

Паривший рядом Ся Чэнь едва с ума не сошел от ужаса. Он прекрасно знал, какими жестокими могут быть дети. Для них это было лишь веселой шалостью, но последствия грозили обернуться непоправимой бедой.

Худшие опасения оправдались: лед под ногами мальчика с треском разошелся, и ледяная бездна мгновенно сомкнулась над головой ребенка, который даже не умел звать на помощь.

Осознав, что натворили, испуганные сорванцы бросились врассыпную. Призрак Ся Чэня истошно кричал, пытаясь привлечь внимание хоть кого-нибудь из взрослых, но из его призрачного горла не доносилось ни звука. Прикованный невидимой цепью к тонущему телу, он мог лишь беспомощно наблюдать, как мальчик уходит под воду, а его лицо стремительно синеет от смертельного холода.

Ся Чэнь рванулся в ледяную пучину, пытаясь ухватить своего двойника за плечи. Он знал, что призрачные руки пройдут сквозь плоть, но бездействие было невыносимо.

В следующую секунду в голове Ся Чэня грянула бодрая электронная трель, точь-в-точь как при запуске старого компьютера, после чего раздался бесстрастный механический голос:

[Внимание: тело хозяина находится в состоянии смертельной опасности]

[Показатели жизнедеятельности критически низкие]

[Аккумуляция энергии приостановлена. Экстренный запуск системы]

[Критическая нехватка энергии! Доступ к системному пространству заблокирован. Спасайте себя сами]

Ся Чэнь: «...»

Ся Чэнь даже не успел обрадоваться долгожданному явлению чит-кода — его едва не затрясло от ярости.

«Какое к чертям самоспасение?! Ты мне тело сначала верни, жестянка!»

Едва эта мысль пронеслась в голове, как невидимый аркан с силой дернул его вниз. Душа Ся Чэня с размаху влетела в собственную плоть. На него лавиной обрушился парализующий, смертоносный холод речной воды. Ся Чэнь растерялся лишь на мгновение, после чего отчаянно забил руками по воде, пытаясь вынырнуть на поверхность.

Но онемевшие за семь лет связки отказались повиноваться. С трудом отплевываясь от ледяной жижи, он попытался крикнуть, но вместо зычного призыва о помощи из его горла вырвался лишь жалкий, задушенный хрип, мгновенно угасший в шуме течения.

Силы стремительно таяли, уступая место смертной тоске. К счастью, новообретенный системный помощник оказался не столь безнадежен и в последний момент пришел на выручку.

[Внимание: зафиксирована смертельная угроза хозяину]

[Активирован протокол экстренного спасения]

[Баланс счета: 0 единиц. Операция проведена в кредит под залог будущих доходов]

[Пожалуйста, завершите интеграцию с системой для погашения задолженности]

[Внимание: критический уровень заряда. Система переходит в режим ожидания]

Ся Чэнь: «...»

«Да гори оно всё синим пламенем, — вяло подумал погружающийся в забытие Ся Чэнь. — На кой мне сдался этот кредитный помощник? Топите уже, сил моих нет...»

Однако даже в этом скромном желании ему было отказано. Система слов на ветер не бросала: обещанное спасение явилось незамедлительно. Словно небесный покровитель, у реки возник старый даос. Одним легким движением он выудил окоченевшего, едва живого мальчишку из ледяной полыньи.

<http://bllate.org/book/18260/1750769>